

ЛЕКЦИЯ

Криминальный вирус Петербурга

Шеф-редактор журнала «Неприкосновенный запас» Илья Калинин — о том, почему криминальная и культурная жизни Северной столицы неразрывно связаны

РИНАТА ХАЙДАРОВА

На прошлой неделе по инициативе музея PERMM и Пермского государственного национального исследовательского университета состоялась научно-практическая конференция «Актуальные девяностые: региональная культура и социум в эпоху перемен». В качестве ключевого спикера доклад о Петербурге 1990-х прочёл филолог, историк культуры, доцент факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского университета, шеф-редактор журнала «Неприкосновенный запас» Илья Калинин. Он подробно остановился на рассказе о медийном образе Петербурга, болезненных синдромах 1990-х годов.

Илья Калинин для темы основного доклада предложил достаточно стереотипный сюжет: Санкт-Петербург как криминальная или культурная столица. Однако рассуждения спикера в начале выступления строились исключительно на семантическом анализе понятий «криминальная» и «культурная». Отсутствие запятой или союзов между категориями носило принципиальный характер.

«В названии моего доклада («Санкт-Петербург, криминальная культурная столица 1990-х» — *ред.*) несложно узнать отсылку к названию известной работы Вальтера Бенямина «Париж, столица девятнадцатого столетия», героями которой были и город, и эпоха. Если Париж можно назвать столицей XIX столетия, Петербург — столица 1990-х. Речь идёт лишь о воспроизводстве дискурса того времени, в котором Москва, оставаясь центром политической, экономической, культурной и криминальной жизни, пребывала в определённой медийной тени. В то время как Петербург исторически воплощал альтернативу этому центру: играл роль своеобразного двойника, на которого были спроецированы коллективные представления о новой жизни, новой стране, с новой историей, экономикой и социальными практиками».

За присвоением Петербургу репутации криминальной столицы, по словам филолога, стояли не столько общие криминальные показатели (которые не сильно отличались от того, что происходило в Екатеринбурге или Москве), сколько громкие политические убийства, а также дискурсивная нужда «символически локализовать общий диагноз исторического времени в конкретной географической точке». Так работал символический механизм преодоления опасности.

Хотя убийства, конечно же, были. В 1997 году был убит вице-губернатор Санкт-Петербурга Михаил Маневич, на тот момент ближайший соратник Анатолия Собчака, Владимира Путина и Анатолия Чубайса. В 1998 году убили депутата Госдумы Галину Старовойтову, в 1999-м — депутата Заксобрания Петербурга Виктора Новосёлова.

«По статистике, только в 1998 году в Петербурге было совершено более 200 заказных убийств. Так или иначе, за этим стояла война между главными криминальными группировками города: Тамбовской организованной преступной группировкой, возглавляемой Владимиром Кумариным, и группировкой Константина Яковлева по кличке Костя Могила. Борьба эта развернулась за Петербургскую топливную компанию, морской порт, аэропорт Пулково и другие городские структуры», — объясняет историк.

Впервые культурной столицей Петербург назвал президент России Борис Ельцин. Он сделал это, когда передавал московскому каналу «Культура» кнопку центрального телевидения Санкт-Петербурга. С приходом к вла-

«Приблатнённость» широкой публики в 1990-е годы проявилась в сфере культурного потребления. Устная традиция (блатной шансон, элементы «фени», мода на малиновые пиджаки) вполне отражала глубинные стилистические ориентации широкой публики»

сти Владимира Путина «криминальное» обозначение города, в котором он работал большую часть 1990-х, стало проблематичным, поскольку президент России не мог быть выходцем из самого преступного города страны, тем более одним из его руководителей.

«Ещё более некорректно стало обозначать Петербург как криминальную столицу России, когда губернатором города стала Валентина Матвиенко, энергично поддерживаемая Путиным на губернаторских выборах. Однако мой тезис состоит в том, что связь культурной и криминальной столиц надо рассматривать не в логике «или-или» и не в логике «и». Я бы хотел проблематизировать саму позицию «культурная versus криминальная столица», — добавил спикер.

По словам Ильи Калинина, диагностика 90-х как болезни, выдвигаемая частью

российского интеллектуального сообщества и разделяемая частью российского общества в целом, основывается на нарушении границ между двумя сферами: культуры (закон, порядок, границы устойчивого воспроизводства социальных практик) и криминала (нарушение норм и порядка, преступление закона).

«Приблатнённость» широкой публики в 1990-е годы проявилась в сфере культурного потребления. Устная

традиция (блатной шансон, элементы «фени», мода на малиновые пиджаки) вполне отражала глубинные стилистические ориентации широкой публики. «Возникает медийный ажиотаж вокруг преступности. Преступность превращается в национальный спорт и предмет восхищения. Речь здесь идёт не столько о нормализации криминала, сколько о переплетении механизмов работы обесцененного (находящегося за сценой) и насценного (находящегося в центре публичного пространства)», — подчёркивает Илья Калинин.

Любопытно, что рекрутинг в криминал, по словам филолога, шёл не только из спортивных клубов, но и из интеллектуальной (интеллигентской) среды. Илья Калинин предложил вспомнить хорошо известную фигуру Крымова из фильма Сергея Соловьёва «Асса». Кри-

минальный авторитет несёт отчётливые черты представителя интеллигенции и на протяжении фильма читает «Грань веков» Натана Эйдельмана.

«Для этой эпохи можно вспомнить и знаковые телевизионные проекты, местом действия которых был Петербург. Это прежде всего «Улицы разбитых фонарей» и «Бандитский Петербург». Многие сюжеты этих сериалов тематизировали связь между культурой и криминалом. Вспомните, весь первый сезон «Бандитского Петербурга» был посвящён истории похищенной из Эрмитажа картины Рембрандта. Но более плотно эта связь прослеживается в первых сезонах «Улиц разбитых фонарей», где сами имена главных героев говорят за себя. Ларин — фамилия, уже окутанная в русской культуре определённым смысловым облаком. Национальный тип Ларина уравновешен Казанцевым, который со своим цинично-наивным юморком вносит в фильм европейскую, плутовскую, криминальную традицию Казановы», — говорит Илья Калинин.

Для 1990-х годов были характерны типологически схожие черты криминального предпринимательства и актуального культурного производства, считает культуролог. Криминальное силовое предпринимательство в те годы состояло в том, что оно перехватывало у государства монополию на легитимное насилие и взимание налогов. Способ накопления капитала был связан не с реальным производством, а с извлечением ренты из природных ресурсов, инфраструктурных и производственных объектов. В культуре же в это время возникли практики перехвата прежней институциональной монополии, присвоенной государством и контролируемой им культурной нормой.

Илья Калинин в ходе выступления провёл сравнение криминального предпринимательства и современного искусства тех лет: «Речь шла не столько о производстве нового, сколько о наделении старого новым значением». В случае с силовым предпринимательством речь шла о капитализации того, что прежде не имело рыночной стоимости (национальной экономики), в случае с современным искусством — о различных способах монтажа, коллажирования прежних традиций, чем и занимались представители петербургской арт-сцены: Сергей Курёхин и его «Поп-механика», Владислав Мамышев-Монро, Тимур Новиков и Георгий Гурьянов, которым удавалось микшировать классический академизм и западную клубную рейв-культуру. «При этом речь идёт не об апологетической нормализации криминальных практик, равно как и не о дезавуировании практик культурного производства, речь идёт об обнаружении за их внешне несходными механизмами неких общих оснований», — подытожил спикер.